



ГОД АРХЕОЛОГИИ
в Республике Хакасия

GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

**Research into Ancient History
of Northern and Central Asia:
From the Origins to the Present**

**Abstracts from the International Scientific Conference Dedicated
to the 300th Anniversary of the Expedition of D.G. Messerschmidt**

*Editor-in-Chief
Academician RAS V.I. Molodin*

Novosibirsk
IAET SB RAS Publishing
2022

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

**Изучение древней истории
Северной и Центральной Азии:
от истоков к современности**

Тезисы Международной научной конференции,
посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта

*Ответственный редактор
академик РАН В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2022

УДК 94(5)+910.4
ББК Т3(5)+Д8
ИЗ95

Редакционная коллегия

д-р ист. наук *А.В. Бауло*, д-р ист. наук *С.А. Васильев*, канд. ист. наук *А.В. Выборнов*,
академик РАН *В.И. Молодин*, канд. ист. наук *М.С. Нестерова*, канд. ист. наук *К.К. Павленок*,
д-р ист. наук *А.В. Поляков*, член-корреспондент РАН *М.В. Шуньков*

ИЗ95 **Изучение** древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности : тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта / отв. ред. В.И. Молодин; Правительство Респ. Хакасия. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 338 с.

ISBN 978-5-7803-0328-2

В издание вошли тезисы участников Международной научной конференции «Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности», посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта (г. Абакан, 18–22 октября 2022 г.). Тематика докладов охватывает вопросы развития культурных традиций от палеолита до Средневековья, этногенеза народов Евразии, изучения первобытного искусства, теории, методики, историографии археологии.

Для археологов, историков, этнографов, а также специалистов смежных научных дисциплин.

УДК 94(5)+910.4
ББК Т3(5)+Д8

Research into Ancient History of Northern and Central Asia: From the Origins to the Present : Abstracts from the International Scientific Conference Dedicated to the 300th Anniversary of the Expedition of D.G. Messerschmidt / ed. V.I. Molodin; Government of the Republic of Khakassia. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. – 338 p.

ISBN 978-5-7803-0328-2

This is a collection of abstracts from the International Scientific Conference “Research into Ancient History of Northern and Central Asia: From the Origins to the Present” dedicated to the 300th anniversary of the expedition of D.G. Messerschmidt (Abakan, October 18–22, 2022). The topics of the presentations at the conference cover the development of cultural traditions from the Paleolithic to the Middle Ages, ethnogenesis of the peoples of Eurasia, studies on prehistoric art as well as the theory, methodology, and historiography of archaeology.

For archaeologists, historians, ethnographers, as well as specialists in related scholarly fields.

ISBN 978-5-7803-0328-2
doi: 10.17746/7803-0328-2.2022

© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2022
© Коллектив авторов, 2022
© ИАЭТ СО РАН, 2022

С.А. Васютин

*Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: vasutin2012@list.ru*

Проблемы изучения археологических памятников Кузнецкой котловины периода раннего Средневековья

S.A. Vasyutin

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: vasutin2012@list.ru*

Problems of studying archaeological sites of the Early Middle Ages in the Kuznetsk Basin

Хронологические рамки раннего Средневековья, которые по-разному трактуются применительно к истории отдельных регионов Евразии, достаточно условно можно применить к историческому наследию лесостепной полосы Западной Сибири, в том числе и к археологическим материалам Кузнецкой котловины. В самых общих чертах в раннесредневековой период в истории региона можно обозначить как VI – начало/середина XI вв.).

Переходный характер начала раннего Средневековья (VI – первая половина VII в.) характеризуют позднеаташтыкские погребения в Маринской лесостепи и постфоминские памятники в верхнем бассейне р. Томи.

Наибольшее число аташтыкских памятников расположено в бассейне р. Кии [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971; Кулемзин, 1980, с. 95–106; Мартынова, 1985; Герман, 2017, с. 438–440; Герман, Савельева, Онищенко, 2019, с. 21–32 и др.]. Ряд артефактов в курганных комплексах Михайловском и Шестаково I датированы VII в. [Ширин, 2015, с. 102–107]. Эти оценки не противоречат более широкой хронологии позднего тепсейского этапа аташтыкской культуры (V–VIII вв.) [Корнеева, 2009, с. 164].

В бывшем ареале фоминской культуры (рубеж II/III вв. н.э. – конец IV/начало V в. н.э.)

[Ширин, 2003, с. 5, 6, 105–114, 158, 159] к памятникам начала раннего Средневековья отнесены поселения Аба II и Аба III. Характеризуя керамические комплексы этих поселений, Ю.В. Ширин указывает, что они имеют «черты генезисной связи с фоминскими, но обладающими несколько более поздними признаками» [Ширин, 2007, с. 11–15, 17–22, рис. 1–6].

Уникальный характер имеет раннесредневековый памятник Черемза I, найденный в Новокузнецком р-не Кемеровской обл. и первоначально датированный первой половиной VII в. н.э. [Ширин, 2014б, с. 450], а затем концом VI – началом VII в. [Постнов, Ширин, Басова, 2019, с. 798, 799; Ширин, 2021, с. 366]. Памятник Черемза I представляет собой крупный естественный бугор высотой до 12 м и площадью более 200 м² на берегу р. Черемзы. Выявлены погребально-поминальный комплекс раннего Средневековья и поселение периода ранней бронзы. Площадь объекта неоднократно подвергалась распашке. Среди находок многочисленные железные предметы, имеющие следы огня, оплавленные бронзовые изделия, пережженные кости [Ширин, 2021]. У исследователей нет полной уверенности в том, что раннесредневековый комплекс был представлен могильником [Постнов, Ширин, Басова, 2019, с. 799; Ширин, 2021,

с. 367]. Ю.В. Ширин относит данный памятник к раннему этапу верхнеобской культуры, указывая на аналогии с артефактами из среднеиртышской лесостепи, геральдическими бронзами Западной Сибири, «местными изделиями с архаичным обликом», валиковой керамикой лесостепных и южнотаежных культур Среднего Енисея, кузнечными традициями кованых и витых изделий «палеоазиатов бассейна Енисея» и Приангарья [Ширин, 2014, с. 450; 2021, с. 367, 368].

Таким образом, в VI – начале VII в. фиксируется ряд новых памятников (Аба II, Аба III, Черемза I), демонстрирующих переходный характер данного периода. Следует отметить, что речь идет об отдельных памятниках, что не позволяет говорить о новых этнокультурных общностях и археологических культурах.

Принципиально ситуация в Кузнечной котловине меняется с середины VII в. К сожалению, пока не систематизированы и не обобщены в достаточной степени материалы бывшего ареала таштыкской культуры в Мариинской лесостепи. Но можно определенно сказать, что этнокультурные трансформации на этой территории произошли существенно позднее (конец VIII – XI в.).

Главные изменения охватывают кузнечную часть бассейнов рек Томи и Ини.

Начиная с VII в., в результате нескольких волн миграций в Среднем и Верхнем бассейне Томи, а также в верховьях Чумыша в Алтайском крае получают распространение поселения с более или менее однородной культурной традиций, доминирующей вплоть до начала XI в. – Люскус II, Лачиново I, Курья II, Курья IV, Курья IVa, Курья VII, Сосновка III, Сосновка IV, Есаульское, Казанково V, Подстрелка I, Мундыбаш I, Усть-Анзас I, Ерункова III, Красулино I, Кыргай I, Ивановка I, Пещерка I, Жургавань I и др. Данные памятники располагались либо в пойме Томи, либо на первой надпойменной террасе Томи и ее притоков [Бобров, 1979, с. 57, 58, рис. 19, 10–13; Окунева, 1997, с. 36, 37, 51; Ширин, 1997, с. 65, 67; Баштанник, Соколов, Савельева, 2009, с. 183–187, рис. 4Б, 9; Бобров и др., 2012, с. 176, 177; Баштанник, Соколов, 2014, с. 44–52; Марочкин, Плац, Конончук, 2015, с. 61, 62; Марочкин и др., 2018, с. 9, 11, рис. 2, 1, 2, 4, 5; и др.].

Материалы этих поселений для раннесредневекового периода представлены керамической

посудой нескольких типов. Среди них особенно важное значение имеет посуда «с прямым или вогнутым внутрь венчиком», орнаментированная одним или несколькими рядами ямок самостоятельно или в сочетании с другими элементами, схожие по форме сосуды с «жемчужником» и другими элементами, которые имеют аналоги в материалах релкинских комплексов VI–VIII вв., верхнеобской культуры Новосибирского и Томского Приобья, в потчевашской культуре, памятниках Прииртышья, а также митровидные сосуды с прямым венчиком, с округлым дном и тонкими стенками, украшенные валиковым орнаментом (горизонтальные линии в несколько рядов в сочетании с круглыми ямками и насечками; горизонтальные и вертикальные валики, образующие орнаментальную композицию, дополненную ямками и насечками). Аналогии валиковой орнаментации представлены на посуде из ряда погребений могильников Релка, Кисловка II, Тимирязевский курганный могильник I и др. [Коротаев, 1980, с. 45–53; Окунева 1997, с. 38–47; 2006, с. 29, 30, 32, 33, 34, рис. IV, V; 2007a, с. 69, 70; 2007б, с. 134; Ширин, 1997, с. 65, 68; 2008, с. 37–47, рис. 2, 4, 8, рис. 3, 6, 7; 2014a, с. 24; и др.].

Наличие керамики на поселенческих комплексах Кузнечного Притомья VII–X вв., имеющий аналоги с верхнеобской (Томское Приобье), релкинской (Нарымское Приобье) и потчевашской посудой VI–VIII вв., свидетельствует о контактах и проникновении «релкинского» населения и носителей валиковой традиции в подтаежные зоны Верхнего и Среднего Притомья [Бобров, Марочкин, 2017, с. 112–115].

По происхождению валикового комплекса (так называемых лачиновских памятников; лачиновской археологической культуры) не существует сколько-нибудь детализированных исследований. И.В. Окунева указывала на присутствие посуды, украшенной валиками в погребальных памятниках Томского Приобья и о возможности миграции носителей этой традиции в Притомье из Восточной Сибири [Окунева, 1997, с. 46–48, 49]. Ю.В. Ширин истоки валиковой традиции связывал с Нижним Приангарьем и Красноярской лесостепью. Одной из причин «массового перемещения населения из Красноярской лесостепи» в Притомье, как полагает исследователь, стал «рост военной активности енисейских кыр-

гызов» [Ширин, 1997, с. 69]. Л.А. Чиндина видела в расселившихся на берегах Томи в VII – начале XI вв. выходцах из Красноярской лесостепи население тунгусо-маньчжурского происхождения [Чиндина, 1991, с. 130]. Эта точка зрения была поддержана В.В. Бобровым и А.Г. Марочкиным [Бобров, Марочкин, 2017, с. 114, 115].

Стоит обратить внимание, что в Приангарье и на Среднем Енисее представлена тонковаликовая керамика, которая получила здесь распространение еще в раннем железном веке. Керамика как I тыс. н.э., так и раннего Средневековья имела яркие особенности. Для раннего железного века характерны наlepные волнистые жгутиковые валики, покрывавшие сосуд от шейки и до нижнего края плечиков. Раннесредневековые сосуды целиком покрывались тонким обмазочным валиком, образующим ряды арок. Аналогичные сосуды были найдены в Томском Приобье на поселении Малгет VIII и в насыпи кургана 16 Тимирязевского могильника I [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2019, с. 65–75, рис. 2, 4, 5, 6, 2, 5]. Особенностью части енисейской керамики было сочетание валиков с гребенчатым штампом [Сенотрусова, Мандрыка, 2020, с. 102]. В Кузнецкой котловине, как уже отмечалось, наlepные валики могли иметь овальную и остроруберную форму, покрывали сосуды горизонтальными и вертикальными линиями, могли образовывать треугольную орнаментальную композицию. Даже в наиболее ранних памятниках Кузнецкой котловины валики имеют иную форму и составляют другие композиции. Так, на многослойном поселении Судочаково I Ю.В. Ширин выявил керамические материалы с горизонтальными валиками. На одном из фрагментов от нижнего ряда валиков по тулову опускались парные горизонтальные валики. Данную валиковую керамику из-за отсутствия жемчужника при наличии гребенчатых штампов он датировал началом VII в. [Ширин, 2014а, с. 23, 24, 43, рис. 18].

Таким образом, вопрос о непосредственной миграции носителей валикового комплекса из таежного Приангарья и территории Среднего Енисея остается открытым. Таежная валиковая традиция претерпела трансформацию на территории Томского Притомья и Нарымского Приобья. Первоначальное движение «валиковцев» было направлено в ареал верхнеобской культу-

ры в Томское Приобье и релкинской культуры Нарымского Приобья. Первые миграции относятся еще к IV–VI вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 118]. Инфильтрация групп «валиковцев» по рекам Чулым и Томь привела в VII–VIII вв. к росту иноэтничного населения Нарымского Приобья и Томского Притомья, о чем свидетельствует доля валиковой посуды в общем керамическом комплексе релкинской культуры, составляющая 12,4 % в Томском Приобье, 11,1 % – в Нарымском Приобье. Интересно, что в Новосибирском Приобье доля валиковой керамики составила менее 1 % [Чиндина, 1977, с. 62; Чиндина, 1991, с. 130; Беликова, Плетнева, 1983, с. 99–101, 123; Троицкая, Новикова, 1998, с. 82, 83 и др.].

Вероятнее всего, что именно с территории Томского Притомья и Нарымского Приобья смешенное население, включавшее носителей валикового комплекса, не позднее VII в. начало расселение на практически слабо освоенные в начале Средневековья прибрежные пространства р. Томи и ее притоков. Более интенсивный характер миграций в Верхний и Средний бассейн Томи относится к VIII в.

Одновременно с этим в конце VIII в. в степном и лесостепном Присалаирье в бассейне р. Ини и ее крупных притоков (реки Тарсьма, Касьма, Ур) появляются новые памятники верхнеобского культурного ареала – Ваганово I, Калтышино II, Озерки I, II, Юрты, Сапогово II и др. [Васютин А.С., 1997, с. 18, 19; Бобров, Васютин А.С., Онищенко, 2010, с. 17–24, 48–53, 58, 59, 78; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 10, 30–37, таб. 3; и др.] К верхнеобским памятникам близки материалы Егзовского клада [Бобров, Ширин, 2016, с. 13–24]. Переселение части носителей верхнеобской культуры из Томского и Новосибирского Приобья и интеграция с местными верхнеобскими этническими группами привели к формированию особого локального варианта верхнеобской культуры (кузнецкого варианта верхнеобской культуры). Его характерной особенностью стал полный переход к обряду трупосожжения. Такие тенденции прослеживаются в VIII в. в Новосибирском Приобье [Троицкая, Новиков, 1988, с. 84–85]. В Томском Приобье в погребальном обряде присутствует как кремации, так и ингумации. В частности, трупосожжения были найдены в Тимирязевском курганном могильнике I [Беликова, Плетнева,

1983, с. 21–23, 25, 27, 28, 30, 32]. Причины перехода «верхнеобцев» к обряду кремации остаются дискуссионными.

Население верхнеобской культуры и поселенческих памятников в бассейне Томи имело общие культурные основы. Об этом свидетельствует сходство керамической посуды, включая наличие в верхнеобских памятниках валиковой керамики. Такая керамика представлена в могильниках Ваганово I [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 155, рис. 24, 1–4, 6, 8, 9], поселенческих комплексах Гурьевское [Елькин, 1974, с. 119–125; Ширин, 1992, с. 44, 45], Торопово IV [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84, рис. 34, 244, 245.] и др. На эту особенность уже обращали внимание исследователи [Казаков, 1998, с. 182, 183, рис. 5; Бобров, Марочкин, 2017, с. 113]. Однако, нельзя забывать, что лачиновские поселения в среднем течении Томи представлены исключительно керамикой, в то время как верхнеобские археологические объекты демонстрирует полный комплекс материальной культуры с явно военизированным характером и значительным влиянием тюркских образцов в военном инвентаре и снаряжении верхового коня. Но в целом наличие валиковой керамики в верхнеобских могильниках и поселениях может говорить о контактах двух рассматриваемых групп раннесредневекового населения Кузнецкой котловины.

Памятники «верхнеобцев» и «валиковцев» располагались в разных природных нишах, что обуславливалось различием в хозяйственной жизни. Подобные отличия были зафиксированы у населения Томского и Нарымского Приобья. Население Томского Приобья жило на границе лесостепи и тайги, занималось скотоводством, в то время как у жителей Нарымского Приобья, располагавшихся в таежной зоне, преобладали охота и рыболовство [Беликова, Плетнева, 1983, с. 123, 124].

На последнем этапе раннего Средневековья в X – начале XI в. сначала развиваются тесные контакты «верхнеобцев» и кочевого населения алтайской лесостепи – «сросткинцев», а затем во второй половине X – начале XI в. «сросткинцы» занимают господствующее положение в Присалаирских степях и постепенно происходит оформление кузнецкого варианта сросткинской культуры (могильники Озерки V, Танай

VIII, Промышленное I, Ур-Бедари II и др.) [Савинов, 1994, с. 94, 95; Савинов, Бобров, 2011, с. 60–69; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012; и др.].

Подводя итоги, отметим, что население Кузнецкой котловины в раннее Средневековье во многом формировалось за счет мигрантов из разных регионов (Новосибирское, Томское и Нарымское Приобье, таежное Приангарье и Средний Енисей, Горный Алтай, лесостепной Алтай) – это во многом определяло особенности этнического состава и материальной культуры. Ключевыми проблемами в изучении раннесредневекового периода остаются специфика переходного раннего этапа (VI – начало VII в.), поиск погребальных лачиновских памятников и исследование уже открытых поселений с целью более полного знания о населении Верхнего и Среднего Притомья середины VII – начала XI в., формы взаимодействия разных этнокультурных групп. Отдельное место занимает вопрос о факторах перехода верхнеобского населения к обряду трупопожжения.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект № 748715Ф.99.1. ББ97АА00002).

Список литературы

- Баштаник С.В., Соколов П.Г., Савельева А.С.** Новые памятники археологии в Кемеровском районе Кемеровской области // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. научн. статей. – Кемерово, 2009. – Вып. 3. – С. 179–196.
- Баштаник С.В., Соколов П.Г.** Археологическая разведка на реке Томи у юго-западных границ нижнетомского очага наскального искусства // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 19. – С. 44–52.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.
- Бобров В.В.** Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1979. – Вып. 10. – С. 47–59.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С.** Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово, ИНТ, 2010. – 276 с.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине и Томском Приобье во второй половине I тыс. н.э. (палеогеографический и археологиче-

- ский аспекты) // *Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время*: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: Д'Принт, 2017. – С. 111–117.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Понкратова Л.В., Конончук К.В.** Поселение Ивановка I на юге Нижнего Притомья // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 175–179.
- Боброва Л.Ю., Ширин Ю.В.** Егзовский клад // *Вестн. Кем. гос. ун-та.* – 2016. – № 2. – С. 13–24.
- Васютин А.С.** Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // *Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 3–35.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С.** Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI в. н.э.: природа и культура (степное Присаляирье). – Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.
- Герман П.В.** Раскопки таштыкского погребально-поминального комплекса Шестаково III в Мариинской лесостепи // *Археологические открытия*. 2015 год. – М.: ИА РАН, 2017. – С. 438–440.
- Герман П.В., Савельева А.С., Онищенко С.С.** Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2019. – Вып. 10. – С. 21–32.
- Елькин М.Г.** Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // *Изв. лаборатории археологических исследований*. – Кемерово, 1974. – Вып. 5. – С. 119–125.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А.** Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы: монография. – Кемерово: Изд-во Куз. гос. техн. ун-та, 2012. – 212 с.
- Казаков А.А.** О культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины // *Древние поселения Алтая*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 172–191.
- Корнеева Ю.С.** Погребальный обряд населения таштыкской культуры: типология и локальные варианты для склепов // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология*. – 2009. – Т. 8, вып. 5. *Археология и этнография*. – С. 164–174.
- Коротаев А.М.** Поселение у д. Лачиново на р. Томи (предварительное сообщение) // *Археология Южной Сибири*. – Вып. 12. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – С. 45–53.
- Кулемзин А.М.** Шестаковский археологический комплекс // *Археология Южной Сибири*. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – Вып. 11. – С. 95–106.
- Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М.** Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1989. – 158 с.
- Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О.** Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье. *Изв. Лаборатории древних технологий*. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 64–78.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – 250 с.
- Мартынова Г.С.** Таштыкские племена на Кисе. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 112 с.
- Марочкин А.Г., Плац И.А., Конончук К.В.** Результаты археологической разведки 2015 г. в южных районах Нижнего Притомья // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. – 2015. – Вып. 2. – С. 58–66.
- Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Плац И.А., Сизев А.С., Веретенников А.В., Конончук К.В., Щербакова А.В., Минина К.П., Фальман А.В.** Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка I в нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. – 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.
- Окунева И.В.** Лачиновская культура // *Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 36–64.
- Окунева И.В.** Поселения Среднего Притомья: итоги работ хозяйственной темы «Волна» // *Археология Южной Сибири: сб. науч. трудов, посвящ. 30-летию кафедры археологии Кем. гос. ун-та*. – Кемерово: Летопись, 2006. – Вып. 24. – С. 29–39.
- Окунева И.В.** Кузбасс в эпоху раннего средневековья // *Альманах современной науки и образования*. – 2007а. – № 2. – С. 69–74.
- Окунева И.В.** О валиковой керамике Притомья // *Альманах современной науки и образования*. – 2007б. – № 7, ч. 1. – С. 132–134.
- Постнов А.В., Ширин Ю.В., Басова Н.В.** Результаты археологического обследования поселения Черемза-1 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2019 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 795–799.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1994. – 215 с.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // *Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии)*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 60–72.
- Синотрусова П.О., Мандрыка П.В.** Керамическая посуда лесостепной культуры: вопросы типологии и генезиса // *Поволжская археология*. – 2020. – № 2. – С. 93–106.
- Троицкая Т.Н., Новикова А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 193 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.
- Ширин Б.В.** Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // *Орнамент народов Западной Сибири: сборник статей*. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 36–50.
- Ширин Ю.В.** Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // *Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 65–76.

- Ширин Ю.В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.
- Ширин Ю.В.** К проблеме формирования культурного облика раннесредневековых комплексов Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2007. – Вып. 9. – С. 7–22.
- Ширин Ю.В.** Раннесредневековое поселение с валиковой керамикой на р. Чумыш в Алтайском крае // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2008. – Вып. 10. – С. 37–47.
- Ширин Ю.В.** Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и шорцы-бирусинцы // Из Кузнецкой старины. – Новокузнецк: Полиграфист, 2014. – Вып. 5. – С. 19–43.
- Ширин Ю.В.** О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 449–452.
- Ширин Ю.В.** Пряжка из склепа Шестаковского кургана // Сб. мат-лов IV межрегиональных краеведческих чтений, посвящ. Л.Р. Кызласову. 15–17 октября 2014 года. – Абакан: Хакас. книжн. из-во, 2015. – С. 102–107.
- Ширин Ю.В.** Черемза 1 – необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности // Творец культуры, Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. Сб. науч. статей, посвящ. 80-летию проф. Д.Г. Савинова. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – С. 355–370.